

С. А. Фомичев

---

ПУШКИНСКАЯ  
ПЕРСПЕКТИВА

  
ЗНАК  
Москва  
2007

## ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ ПУШКИНА «ДЖОН ТЕННЕР»

Откликаясь на «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, 19 октября 1836 года Пушкин писал:

Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушные ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. (...) Читали ли вы 3-й № «Современника»? Статья «Вольтер» и Джон Теннер мои (...)» (XVI, 393; подл. по-фр.).

Упоминание Пушкиным своих статей в контексте обсуждения общероссийских проблем, видимо, не было случайным: в черновике его письма говорилось:

Вот уже 140 лет [таб.] как (...) сметаёт дворянство; и нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке (Читали (ли Вы) Токвиля? (...) Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею) (XVI, 421, подл. по-фр.).

О французском социологе Алексисе де Токвиле Пушкин узнал из «Хроники русского» А. И. Тургенева. Фрагмент этой хроники был опубликован в первом томе «Современника», где, в частности, отмечено:

...провел вечер в чтении Токевиля о *демократии* (в Америке). Талейран называет его книгу умнейшею и примечательнейшею книгою нашего времени; а он знает и Америку и сам аристократ, так, как и Токевиль, которого все связи с Сенжерменским предместьем<sup>1</sup>.

2 июля во французском книжном магазине Беллизара Пушкин приобретает книгу «Демократия в Америке»<sup>2</sup>. Знакомясь с главой «Современное состояние и возможное будущее индейских племен, живущих на территории Союза», он встретил имя Джона Теннера.

Тэннер — европеец, который в шестилетнем возрасте был похищен индейцами и жил с ними в лесах в течение тридцати лет. Нет ничего более ужасного, чем страдания, которые он описывает. Он рассказывает о племенах, не имеющих вождей, о семьях, не имеющих соплеменников, о людях, бродящих в одиночку, — словом, о жалких остатках могущественных племен, которые без всякой цели бродят по пустынным снежным просторам Канады. Их преследуют голод и холод, каждый день грозит им смертью. Нравы и традиции потеряли над ними прежнее влияние и власть, и они все более дичают. Тэннер делил с ними все их лишения; он знал о своем европейском происхождении, никто не удерживал его силой вдали от белых. Напротив, каждый год он приходил торговать с ними, бывал в их домах, видел их достаток. Он знал, что если когда-нибудь он захочет вернуться к цивилизованной жизни, то легко сможет это сделать. И тем не менее тридцать лет он прожил в пустыне. Вернувшись, наконец, в цивилизованное общество, он признавался, что описанная им полная несчастий жизнь имеет для него необъяснимую тайную прелесть. Уже порвав с ней, он постоянно к ней возвращается и с большим сожалением расстается с ее невзгодами. Когда же он окончательно поселился среди белых, то мно-

---

<sup>1</sup> Современник. 1836. Т. 1. С. 273.

<sup>2</sup> Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. М., 1999. С. 470.

гие из его детей не захотели разделить его спокойную и зажиточную жизнь.

Я сам встречал Тэннера у устья озера Верхнее. Мне показалось, что он больше похож на дикаря, чем на цивилизованного человека.

Книга Тэннера не отличается ни последовательностью, ни вкусом, однако автор невольно дает в ней яркую картину предрассудков, страстей, пороков и особенно тех лишений, среди которых он жил.

Виконт Эрнест де Блоссвиль (...) перевел «Воспоминания» Тэннера. Господин де Блоссвиль дополнил свой перевод очень интересными примечаниями, которые позволят читателю сравнить факты, описываемые Тэннером, с теми, о которых рассказывают многие наблюдатели прошлого и настоящего. Тот, кто хочет ознакомиться с нынешним состоянием индейской расы и представить себе ее будущее, должен обратиться к работе господина де Блоссвиля<sup>3</sup>.

29 августа Пушкин приобретает только что вышедшие в Париже «Мемуары Джона Теннера, или Тридцать лет в пустынях Северной Америки» во французском переводе де Блоссвиля<sup>4</sup> и сразу же приступает к их чтению, торопясь подготовить статью для третьего тома «Современника». «Один из друзей, — свидетельствовал П. В. Анненков, — посетив его в воскресенье, застал его за статьей *Джон Теннер*. Поэт работал над ней уже целое утро и, встречая приятеля, сказал ему, потягиваясь, полужутливо, полугрустно: «Плохое наше ремесло, братец. Для всякого человека есть праздник, а для журналиста — никогда»<sup>5</sup>.

---

<sup>3</sup> Токвиль А., *де*. Демократия в Америке. М., 1992. С. 247.

<sup>4</sup> См.: *Летопись...* Т. 4. С. 493.

<sup>5</sup> *Анненков П. В.* Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // *Сочинения Пушкина*. Т. 1. СПб., 1855. С. 421. Вероятно, это произошло 30 августа, когда в день святого Александра Невского Пушкины, по случаю тезоименитства наследника цесаревича, были приглашены в Елагин дворец, но туда не поехали.

Название, данное книге Блоссвелем, было не вполне точным. Впервые книга была издана в 1830 году в Нью-Йорке под заглавием «Рассказ<sup>6</sup> о похищении и приключениях Джона Теннера (переводчика на службе США в Со-Сент-Мари) в течение тридцатилетнего пребывания среди индейцев в Северной Америки. Подготовлено к печати Эдвином Джемсом, издателем отчета об экспедиции майора Лонга от Питтсбурга до Скалистых гор». Французский переводчик, разделив книгу на два тома и сорок глав (в оригинале их всего 15) и дополнив ее своими примечаниями, а также картой Соединенных Штатов, опустил, однако, «Введение д-ра Эвина Джемса к жизнеописанию Теннера». Оно было посвящено, в основном, сочувственному описанию современного бедственного положения индейцев, во многом совпадающему с мыслями Токвиля на этот счет. Но здесь содержались и некоторые важные сведения о самом Джоне Теннере и его воспоминаниях, которые Пушкину остались не вполне известными<sup>7</sup>.

Джону Теннеру (...), — свидетельствовал Э. Джемс, — теперь около 50 лет. Он крепкого телосложения, держится прямо. В нем чувствуется большая физическая сила, выносливость, энергия, но перенесенные тяжелые испытания и лишения не прошли для него бесследно. Некогда привлекательные черты лица носят отпечаток раздумья, страстей, приближающейся старости. Живой пронзительный взгляд голубых глаз выдает суровый, непреклонный характер, заставлявший трепетать от страха многих индейцев, когда Теннер жил среди них. Покорность и уступчивость, которые он вынужден теперь проявлять, находясь в зависимом положении среди белых людей, претят его характеру (...).

Стремлением помочь этому несчастному человеку найти общий язык со своими соотечественниками и продик-

---

<sup>6</sup> В оригинале — «Narrative».

<sup>7</sup> Некоторые факты, изложенные Джемсом, были повторены в предисловии французского переводчика.

товано решение передать историю жизни Теннера по возможности собственными словами. Сам рассказчик отнюдь не лишен того своеобразного красноречия, которое свойственно индейцам. Но так как это красноречие проявляется скорее в жестах, интонациях и мимике, чем в словах и фразах, то стиль повествования Теннера самый безыскусный. (...) Следует особо подчеркнуть, что вся история передана так, как она была рассказана, то есть она создавалась без наводящих вопросов, подсказываний, указаний. Единственная просьба, с которой обращались к рассказчику, это ничего не утаивать. Все замечания, касающиеся характера или поведения людей в стране индейцев или в пограничных районах, а также наблюдения над условиями жизни индейцев принадлежат исключительно Теннеру. При этом допущена лишь одна вольность: сокращены или совсем опущены некоторые подробности охотничьих приключений, воспоминаний о походах и других событиях, не имеющих существенного значения в жизни индейцев, но на которых за отсутствием другой духовной жизни они очень любят подробно останавливаться во время своих долгих бесед. Возможно, некоторым читателям рассказ показался бы еще занимательнее, если бы таких сокращений было больше ...<sup>8</sup>

Следовательно, документальный материал, на основе которого Пушкин строит свое произведение, уже до него прошел некоторую литературную обработку. В сущности, исполняя пожелание Э. Джемса, Пушкин предельно кратко излагает суть воспоминаний героя о жизни среди индейцев, сокращая «длинную повесть о застреленных зверях, о мятелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших на пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности» (XII, 110). Но вначале писатель

---

<sup>8</sup> Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера... М., 1963. С. 25–27. Далее даются ссылки на страницы этого издания.

откликается на трактат Токвиля<sup>9</sup>. «Постепенное установление равенства, — писал французский социолог, — есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию. Благоразумно ли считать, что столь далеко зашедший исторический процесс может быть остановлен усилиями одного поколения? Неужели кто-либо полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала столь могучей, а ее противники столь слабы? <sup>10</sup>». «Представление о том, будто я намеревался написать панегирик, — замечал, однако, Токвиль, — ничем не обоснованное заблуждение; любой человек, который станет читать эту книгу, сможет полностью удостовериться, что ничего подобного у меня и в мыслях не было<sup>11</sup>».

И прежде всего моральные гримасы демократии, изображенные в трактате (при общем доброжелательном отношении Токвиля к американской государственной системе), привлекли внимание Пушкина. Они обобщены им во введении к жизнеописанию Джона Теннера:

С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров

---

<sup>9</sup> См. детальное сопоставление текстов Пушкина, Токвиля и Блоссуэля: *Shaw J.-Th. Pushkin on America and His Principal Sources «John Tanner» // Shaw J.-Th. Pushkin: Poet and Man of Letters and His Prose. Los-Angeles, 1995. Русский перевод в кн: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 16–17. СПб., 2003. С. 285–303.*

<sup>10</sup> Токвиль. С. 23.

<sup>11</sup> Токвиль. С. 34.

посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostracism; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами» (XII, 104).

Каждое из этих положений может быть подтверждено примерами, почерпнутыми в книге «Демократия в Америке».

В соотношении с намеченной перспективой «тирании демократии» и раскрывалась Пушкиным одна из составляющих американского исторического процесса: вымещение колонистами из родных мест индийских племен и их фактическое уничтожение. Это было новым словом в русской публицистике, которая ранее касалась лишь другой ужасной черты политической жизни заокеанской республики: рабства негров<sup>12</sup>. «Отношения Штатов, — замечает Пушкин, — к индейским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревьями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский (XII, 104–105)».

---

<sup>12</sup> См.: *Старцев А. И.* Америка и русское общество. Ташкент, 1942.

Отмечено, что эти строки восходят к трактату Токвиля и к предисловию де Блоссвиля, которое было предпослано французскому изданию «Мемуаров Джона Теннера»<sup>13</sup>. Но не менее важна их перекличка и с эпилогом «Кавказского пленника»:

И смолкнул ярый крик войны,  
 Всё русскому мечу подвластно.  
 Кавказа гордые сыны,  
 Сражались, гибли вы ужасно;  
 Но не спасла вас наша кровь,  
 Ни очарованные брони,  
 Ни горы, ни лихие кони,  
 Ни дикой вольности любовь!  
 Подобно племени Батыя,  
 Изменит прадедам Кавказ,  
 Забудет алчной брани глас,  
 Оставит стрелы боевые.  
 Кущельям, где гнездились вы,  
 Подъедет путник без боязни,  
 И возвестят о вашей казни  
 Преданья темные молвы (IV, 114)<sup>14</sup>.

Тем самым новое произведение Пушкина, при всей его оригинальности, соотносилось с общим контекстом его творчества, в котором тема «искоренения дикости» была одной из генеральных. Однако принципиальное отличие «Джона Теннера» от «Кавказского пленника», «Цыган», «Тазита» заключается не столько в прозаической фактуре статьи, сколько в документализме, противопоставленном литературным штампам.

---

<sup>13</sup> См.: *Shaw J.-Th.* Указ соч.; *Алексеев М. П.* К статье Пушкина «Джон Теннер» // Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 548.

<sup>14</sup> Перекличка эпилога к «Кавказскому пленнику» и рассуждения на ту же тему в «Джоне Теннере» отмечена: *Кимура Т.* Взгляд на «дикое» у Пушкина // Пушкин и мировая культура. Материалы 6-й международной Пушкинской конференции. Крым, май 2002. СПб. — Симферополь, 2003. С. 44.

Нравы северо-американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображения. «Дикари, выставленные в романах, — пишет Вашингтон Ирвинг, — так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных»<sup>15</sup>. Это самое подозревали читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей уменьшало удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями (XII, 105).

Принципиально важно подчеркнуть, что, сопоставляя литературных и реальных индейцев, Пушкин иначе, чем Блосвиль, оценивает эпопею Шатобриана «Начезы» и романы Купера «Пионеры», «Последний из могикан», «Прерия».

«Читая этот правдивый и скромный рассказ (записки Теннера), — замечал французский переводчик, — трудно не восхититься от всей души гением г-на де Шатобриана и не полюбить еще сильнее остроумные выдумки Купера. В воспоминаниях этого невежественнейшего из людей (Теннера) нет ни одного сведения, ни одного замечания, которое не свидетельствовало бы о правдивости картин, начертанных первым из современных писателей, и сцен, столь мастерски воспроизведенных знаменитейшим из американских романистов» (I, XXVIII)<sup>16</sup>.

---

<sup>15</sup> Данная цитата из «Поездки в прерию» В. Ирвинга была приведена в предисловии Блосвиля к «Мемуарам Джона Теннера», см. об этом: *Марьянов Б.* Об одном примечании к статье А. С. Пушкина «Джон Теннер» // *Русская литература.* 1962. № 1. С. 745; А. Н. Николюкин заметил, что с этой мыслью Ирвинга русские читатели познакомились еще в 1835 году в пространном пересказе той же «Поездки в прерию» (или «Поездки в луговые степи», как тогда переводили название книги), опубликованном в Библиотеке для чтения. 1835. Т. 10, отд. 2. С. 47 (*Николюкин А. Н.* Пушкинский «Джон Теннер» в системе русской американистики XVIII — начала XIX века // *Болдинские чтения.* Горький, 1984. С. 150).

<sup>16</sup> Цит. по французскому изданию.

И французский, и американский писатели рисовали индейцев в высшей степени сочувственно, пытаясь донести до читателей поэтичность гордого народа, ревниво оберегающего свои естественные нравы (в сущности, та же тональность в описании черкесов была соблюдена и в пушкинском «Кавказском пленнике»). Не приводя многочисленных примеров на этот счет, упомянем лишь о речи вождя индейского племени пуани, воспроизведенной в романе Дж. Ф. Купера «Прерия»:

Он начал с упоминания о древности и славе народа Волков-пуани. Он говорил об их успехах на охоте и на тропе войны; говорил о том, как они издавна славятся умением отстаивать свои права и покарать врагов. Сказав достаточно, чтобы выразить свое почтение к величию Волков и польстить самолюбию слушателей, он вдруг заговорил о народе, к которому принадлежали чужеземные гости. Его несчетное множество он уподобил стаям перелетных птиц в пору цветов и в пору листопада. С деликатностью, отличающей воина-индейца, он не позволил себе прямых указаний на алчность, проявляемую многими из бледнолицых в торговых сделках с краснокожими. Но, сознавая, что его племенами все сильнее охватывает недоверие к белым, он попробовал умерить справедливое их озлобление косвенными извинениями и оправданиями. Он напомнил, что ведь и Волки-пауни не раз должны были изгнать из своих селений какого-нибудь недостойного соплеменника. Ваконда иногда отворачивает свое лицо от индейцев. Несомненно, и Великий Дух бледнолицых часто смотрит хмуро на своих детей. Тот, кто бывает покинут на милость Вершителя зла, не может быть ни храбрым, ни доблестным, красна ли его кожа или бела...<sup>17</sup>

Антагонистические отношения между аборигенами и пришельцами подменены у Купера, как и у Шатобриана, конфликтом между Добром и Злом.

---

<sup>17</sup> Купер Дж. Ф. Собр соч. Т. 4. М., 1982. С. 391.

Пушкин же обнаруживает безусловные свидетельства о катастрофической *деградации* диких племен — в бесхитростных воспоминаниях Теннера:

Они самый полный, и вероятно последний, документ бытия народа, коего скоро и не останется и следов. Летописи племен безграмотных, они разливают истинный след на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека; показания простодушные и бесстрашные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которыми Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации» (XII, 105).

«Придерживаясь традиционной квалификации типов рассказа, — считает Е. А. Мустафина, — рассказ о судьбе Джона Теннера можно определить как приключенческий. Пушкин с увлечением изображает основные события в жизни героя, но в подтексте чувствуется легкая усмешка автора. В судьбе Джона Теннера реализовалась мечта каждого просвещенного европейского юноши, ровесника Пушкина: полная опасностей жизнь в девственных лесах Америки среди “диких индейцев”. Жаль только, что американец был неграмотным и не попытался создать республику с идеальным общественным устройством. Эта “усмешка” Пушкина выходит на поверхность в заключительном абзаце статьи»<sup>18</sup>.

Здесь верно почувствована отстраненность Пушкина в цитации фрагментов из воспоминаний Джона Теннера, но, по большей части, в его статье чувствуется скорее острое удивление перед суровостью жизненных условий индейцев, не только жестоко вытесняемых со своих земель, но и планомерно развращаемых «цивилизаторами». Конечно, образованный наблюдатель не может доверчиво относиться к суевериям героя, но ироническая интонация, если она

---

<sup>18</sup> Мустафина Е. А. Образ Америки в русском литературном сознании. Новгород, 1998. С. 58.

изредка в пушкинской статье и появляется, довольно сложного свойства: в повседневном быте дикого племени, по оценке Пушкина, «ужасное и смешное странным образом перемешаны между собою».

Документальная повесть Пушкина, преодолевая «сонную бессвязность и отсутствие мысли» в рассказах Теннера, содержит краткий очерк тридцатилетней жизни пленника среди индейцев. Впрочем, ряд фрагментов из его воспоминаний воспроизведены писателем адекватно. В современных изданиях сочинений Пушкина эти эпизоды обычно печатаются петитом, хотя здесь был бы более уместен курсив. «Живые и грустные картины», наиболее его поразившие, суть следующие:

1. Похищение
- 2—6. Охота
- 7—9. Пьянство и ссоры
10. Видение духов
11. Первая женитьба
12. Рассказ индейца о новом (неудачном) нападении на семью Теннера.
13. Возвращение

Пушкин верно замечает, что основное место в рассказах Теннера занимает «описание различных охот и приключений во время преследования зверей» (XII, 112). Оказывается, это зачастую смертельно опасный труд. Но для индейцев охота является основным и самым престижным занятием, и понятно, почему «белый индеец» не упускает ни одного случая, чтобы не похвастаться своими охотничьими трофеями (возможно, невольно преувеличенными). Три следующих эпизода о безобразных индейских ссорах, вызванных вкорененным колонизаторами пьянством, снабжены пушкинским ироническим пояснением: «Оставляем читателю судить, какое улучшение в нравах дикарей приносит соприкосновение цивилизации!» (XII, 115). Вместо обычных романтических рассказов о красочных войнах индейских племен Пушкин выбирает эпизод заурядной кражи героем лошади в соседнем племени. Станным, на первый

взгляд, пробелом, однако, в рассказах Теннера остается почти полное отсутствие сколько-нибудь подробных и внятных сведений о религиозных верованиях и мифологических преданиях индейцев, которым он остался чужд. За время тридцатилетнего пребывания в среде аборигенов он напитался только их суевериями. «Он иногда выдает себя за человека не доступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индейское суеверие», — отмечает Пушкин (XII, 121) и выписывает лишь один попавший в записки рассказ о «поэтическом видении», озарившем героя, когда тот заночевал в заповедном месте (что само по себе для коренного индейца было бы невозможно): там, по местному преданию, произошло ужасное преступление (братоубийство)<sup>19</sup>.

Внимательно изучая рассказы индейского пленника, переданные Э. Джеймсом, Пушкин, вероятно, не мог не почувствовать, что, проведший тридцать лет среди индейцев, дважды усыновленный индеанками, Джон Теннер, однако, так и остался чужаком в их племени. Этим объяснялись и фактическое нарушение индейских обрядов при первой женитьбе Теннера, и факты жестокости индейцев по отношению к приемышу в детстве, и постоянная вражда к нему сводного брата Уа-мен-гон-э-бью, и жестокое преследование одним из индейцев (в сговоре с женой Джона) во время возвращения героя к белым, и нежелание его взрослого сына последовать за отцом. Все это сообщает рассказам Теннера некоторый комплекс неполноценности, выражением которого является постоянное желание Джона вернуться к белым, что отмечено в пушкинской повести:

---

<sup>19</sup> Между прочим, пробел об индейских верованиях в воспоминаниях Теннера побудил Э. Джеймса дополнить книгу специальным приложением (сохраненным во французском переводе) об индейских праздниках, о тотемах, об обрядах, сопровождаемых песнопениями и магическими рисунками. Надо ли говорить о том, насколько сам Пушкин был внимателен к подобным материалам. Недаром, готовя статью о покорении Камчатки русскими

Вопреки своей долговременной привычке и страстной любви к жизни охотничьей, жизни трудов, опасностей и восхищений непонятных и неизъяснимых, одичалый американец всегда помышлял о возвращении в недра семейства, от которого так долго был насильственно отторгнут (XII, 125).

Уже в начале своего повествования Теннер признавался:

Я уже пользовался тогда полной свободой, индейцы совсем за мной не следили, и мне было легко оставить их навсегда. Но я полагал, что отец и все мои братья убиты, и к тому же хорошо знал, какая жизнь, полная тяжелого труда и лишений, ждала меня у белых. Ведь у меня не было там ни друзей, ни денег, ни имущества, и я боялся ожидавшей меня крайней нищеты. Между тем я видел, что у индейцев все, кто слишком молод и слаб, чтобы охотиться самостоятельно, всегда находили себе покровителей. К тому же индейцы стали относиться ко мне с большим уважением, считая как бы человеком своей расы<sup>20</sup>. Поэтому я решил хотя бы на время остаться у них. Но я всегда надеялся, что когда-нибудь вернусь к белым и буду жить среди них<sup>21</sup>.

---

землепроходцами, Пушкин намеревался рассказать и о мифологических преданиях камчадалов.

<sup>20</sup> Как показано выше, едва ли такое признание было полным.

<sup>21</sup> *Теннер*. С. 73–74. Красноречивая деталь: хотя герой, усыновленный индейкой (в девятилетнем возрасте) и упоминает свое индейское тотемное имя Шоу-шо-уа-не-ба-се (Сокол), он всегда твердо помнил свое прежнее имя, что позволило ему впоследствии разыскать своих родственников. Более того, как выясняется, и его индейские потомки постоянно носили фамилию Теннеров. В одной из индейских резерваций на севере Миннесоты в 1947 году немецкие ученые Ева и Юлиус Липсы познакомились с Эдуардом Теннером, потомком того сына Джона Теннера, который предпочел остаться с индейцами. Он ничего не знал о своем белом предке и, как пишет Ева Липс, смеялся над тем, что тот оказался так безрассудным, «чтобы написать для белых книгу» (*Авержиева Ю. П.* Предисловие к русскому изданию / *Теннер*. С. 22).

Только после того, как Теннер узнал, что родные его живы, он покинул наконец дикое племя. Нельзя не заметить, что в его рассказах о возвращении к родным есть какая-то сбивчивость и недоговоренность, которые Пушкин по-своему истолкует в эпилоге. С одной стороны, Теннер описывает вроде бы радость многочисленных родственников при встрече с ним. Но наивное перечисление их денежных подарков (общей суммой в 500 долларов) фактически выглядит как желание откупиться от чужака. «Мой зять Иеремия Реккер, — сообщает Джон Теннер, — сделал попытку найти в завещании отца хоть какие-нибудь распоряжения в мою пользу. Мы отправились в Принстон, где зять представил меня судьям, но сделать ничего не удалось. Тогда жившая поблизости мачеха подарила мне 137 долларов». «Следующей весной была сделана еще одна попытка добиться получения мною части отцовского наследства. Но мачеха продала на Кубу несколько рабов-негров, которые, как полагали, должны были мне принадлежать. Это дело и теперь еще не закончено; им занимаются адвокаты»<sup>22</sup>.

Недаром, очевидно, Джон Теннер впоследствии поселился вдали от своей родни, сделав несколько безуспешных попыток приспособиться к жизни белых. Скромное состояние его (то есть, надо понимать, прежде всего упомянутые выше 500 долларов) было конфисковано, чтобы покрыть расходы на содержание его детей, оставленных на чужих руках.<sup>23</sup> «Их положение, — сообщает в заключение Теннер, оставшийся изгоем и в среде белых, — требовало моего присутствия в Маккианаке, и я решил туда отправиться. Там полковник Бойд принял меня в качестве индейского переводчика; эту должность я исполнял до 1828 года, когда, недовольный плохим обращением, выехал из Маккианака в Нью-Йорк, чтобы договориться об издании исто-

---

<sup>22</sup> Теннер С. 298, 307.

<sup>23</sup> Не вполне ясно, о каких детях здесь идет речь. Возможно, они родились уже после 1820 года, когда Теннер возвратился в Штаты.

рии моей жизни. (...) Трое моих детей еще находятся среди северных индейцев. Как мне сообщили, обе дочери охотно приехали бы ко мне, если бы им удалось убежать. Старший сын любит охотничий образ жизни, к которому издавна привык. У меня есть кое-какие основания надеяться, что я смогу предпринять новую попытку вернуть своих дочерей»<sup>24</sup>.

Вот из этих сбивчивых сведений Пушкин саркастически воссоздает возможную судьбу бывшего индейского пленника:

Ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками. Он в тягбе с своею мачихою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству. Он очень выгодно продал свои любопытные «Записки», и на днях будет вероятно членом *Общества воздержности*<sup>25</sup>. Словом, есть надежда, что Теннер современем сделается настоящим уапкее<sup>26</sup>, с чем и поздравляем его от искреннего сердца (XII, 132).

Такая характеристика перекликается с авторским введением к документальной повести об индейском пленнике<sup>27</sup>. Если вначале дана обобщенная оценка «демократии в ее отвратительном цинизме», то в итоге воссоздается индивидуальная судьба обывателя, устремленного лишь к прагматическому comfort<sup>28</sup>. И в раме авторских обобще-

<sup>24</sup> Теннер. С. 327.

<sup>25</sup> «Общество, коего цель — истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков» (*Примеч. Пушкина*). Об этом обществе — в качестве разительной черты повседневной политической суматохи американских граждан — упоминал Токвиль (см.: *Токвиль*. С. 191).

<sup>26</sup> «Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен» (*Примеч. Пушкина*).

<sup>27</sup> Это отмечено Дж. Т. Шоу.

<sup>28</sup> На самом деле — но это Пушкину осталось неизвестным — Джон Теннер так и не смог приспособиться к «американской демократии». «Последние годы своей жизни Теннер провел в жалкой

ний картина жизни индейского пленника становится особенно выразительной — в качестве документа, свидетельствующего о жестоких, антигуманных путях так называемого исторического прогресса.

Следует особо подчеркнуть актуальный смысл пушкинского произведения, содержание которого отнюдь не исчерпывается экзотической картиной далеких заокеанских нравов. Недаром Пушкин, прочитав чаадаевское «Философическое письмо», вспомнил о Токвиле. В чаадаевской ориентации для России на западный путь исторического развития<sup>29</sup> Пушкину видится отзвук пугающего его историософского пророчества, изложенного в заключении второго тома «Демократии в Америке»<sup>30</sup>.

Этот уравнительный процесс сближает народы. Еще в большей степени он противостоит размежеваниям внутри одного народа.

Наступит день, когда в Северной Америке будет жить сто пятьдесят миллионов человек, равных между собой, принадлежащих к одному народу, имеющих равные возможности, одинаковый уровень культуры, говорящих на

---

лачуге на далекой окраине Со-Сент-Мари, в полном одиночестве и невероятной нищете. Бедствия, испытанные им среди индейцев, меркли по сравнению с той глубиной деградации, которая настигла его в «цивилизованном» мире. Недаром один из его современников, имея в виду этот период жизни Теннера, сказал, что «последние дни были худшими днями в его жизни». В 1846 г. старый Теннер был убит и сожжен с его хижинной» (*O'Meara W. The Last Portage. Boston, 1962*) одним из тех людей, о которых Джеймс писал, что они «утратили чувство элементарной честности» (*Аверкиева Ю. П. Предисловие к русскому изданию / Теннер. С. 22*).

<sup>29</sup> Религиозная составляющая этой концепции Пушкину вовсе не кажется главной — ср. его замечание в черновом варианте письма к Чаадаеву от 19 октября 1836 года: «Религия чужда нашим мыслям и привычкам [к] счастью, но не следовало этого говорить» (XVI, 422; подл. по-фр.).

<sup>30</sup> Оно частично было процитировано А. И. Тургеневым в первом томе «Современника».

одном языке, исповедующих одну религию, имеющих одинаковые привычки и нравы. Им будет присуще единое восприятие вещей и единый образ мыслей. Во всем остальном можно усомниться, но это — несомненно. И это совершенно новое в мире, нечто такое, значение чего не укладывается даже в воображении.

В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англоамериканцы.

Оба этих народа появились на сцене неожиданно. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе.

Все остальные народы, по-видимому, уже достигли пределов своего количественного роста, им остается лишь сохранять имеющееся; эти же постоянно растут. Развитие остальных народов уже остановилось или требует бесчисленных усилий, они же легко и быстро идут вперед, к пока еще неизвестной цели.

Американцы преодолевают природные препятствия, русские сражаются с людьми. Первые противостоят пустыне и варварству, вторые — хорошо вооруженным развитым народам. Американцы одерживают победы с помощью плуга земледельца, русские — солдатским штыком.

В Америке для достижения цели полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека.

Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека.

В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство.

У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира<sup>31</sup>.

Итак, французский социолог намечал две альтернативные исторические перспективы для человечества — урав-

<sup>31</sup> *Токвиль*. С. 295—296.

нительную демократию и абсолютную деспотию. Нетрудно было представить, какому из этих путей окажет предпочтение европейский читатель: мол, у демократии есть свои изъяны, но... Россия выступала обычным для европейского либерала пугалом, о чем еще в 1831 году Пушкин писал: «О чем шумите вы, народные витии? / Зачем анафемой грозите вы России?»

Первым же откликом Пушкина на трактат Токвиля стало стихотворение «Из Пиндемонти» («Не дорого ценю я громкие права...»), написанное 5 июля. В черновом варианте стихотворение начиналось: «При звучных именах Равенства и Свободы / Как будто опьянев, беснуются народы...» (Ш, 1029). А размышления о российском варианте «искоренения дикости» были продолжены в работе последних дней поэта, намеревавшегося написать новую документальную повесть на основе материалов «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.